

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 2
(2056)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья С. Глазьева «Государство Развития», опубликованная на сайте газеты «Завтра», 11 января 2022 года.

Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/gosudarstvo_razvitiya

Вологда
январь 2022

Государство Развития

Россия нуждается в широком общественном договоре между государством, бизнесом и людьми

Геостратегический фон

На пути формирования олигархического капитализма мы дошли до пределов возможной деградации. Государство сняло с себя всю ответственность за состояние дел, противопоставив благополучие всего народа интересам группы олигархов и связанных с ними коррупционеров. На выходе мы имеем, по сути, феодальный капитализм. Таковым он является по типу взаимоотношений социальных страт и по признаку качества административно-управляющей прослойки.

Ключевой вопрос здесь заключается в наличии у продуктивной элиты энергии и инициативы для формирования образа преодоления сложившейся ситуации. В значительной степени позитивный пример такого преодоления сегодня являет военно-промышленный комплекс, освоивший серийное производство высокоточной техники, включая гиперзвуковое оружие. В прочих сферах деградация, как мне кажется, поглотила и продуктивную элиту.

После того как Украина была отдана под контроль неонацистским силам, всецело контролируемым США, а Россия фактически добровольно сняла с себя функции защиты десятков миллионов русских людей, встал вопрос об адекватной (по отношению ко всему Русскому миру) защите нашего национального суверенитета и духовно-идеологической общности.

Чрезмерная офшоризация российской экономики с ежегодным неттооттоком капитала в размере около 100 млрд долл., десуверенизация валютно-финансовой системы и в целом подчинение воспроизводственных контуров зарубежным выгодоприобретателям обнажают наши слабые места. При этом властвующая элита не до конца осознаёт или не хочет осознавать вес фактора экономической самостоятельности в геополитической суверенизации нашего жизненного пространства.

Россия, как никогда в новейшей истории, нуждается в широком общественном договоре между государством, бизнесом и людьми. Необходимо соглашение, посредством которого можно преодолеть социальную дифференциацию и антагонистический разрыв между интересами общества и властвующей элиты. Пока союзничество в этом контексте может быть лишь благим пожеланием, поскольку фактическая эксплуатация труда, недооценка его стоимости, извлечение природных ресурсов без симметричного приумножения общественного дохода – в восприятии российского общества – является явной несправедливостью.

Что касается межгосударственного экономического сотрудничества, должен признать, что развитие интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) продвигается достаточно успешно, хоть и не без очевидных нюансов. Но, не вдаваясь в подробности вызовов и перспектив интеграции, которые являются предметом отдельной профессиональной дискуссии, должен отметить, что одной лишь экономической повестки для формирования целостной, способной к самостоятельному воспроизводству структуры здесь недостаточно.

Требуется актуализация и **созидание евразийской культурно-исторической общности**, без чего долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество уязвимо перед дестабилизирующими факторами. Реализация собственно экономического потенциала Союза ограничена макроэкономической динамикой России, которая пока не может удовлетворять ни по каким параметрам. Для качественного приращения потенциала ЕАЭС нам необходимо как минимум его удвоение. Это могло бы дать полноценное членство в Союзе Украины и Узбекистана – за счёт возникающего кумулятивного эффекта интеграции в промышленности. Ташкент хоть и является сегодня активным участником интеграционных процессов, но обладает лишь статусом наблюдателя. Украина, находясь под внешним управлением, выпала из работы по интеграционному строительству, хотя и была инициатором создания Единого экономического пространства в 2003 г.

У России стратегический союз с Китаем, но в этих отношениях многое ещё предстоит прояснить. Непонятна субординация, пакет перспективных и готовых к реализации проектов, в том числе, по сооружению транспортно-логистического каркаса Большой Евразии.

Отдельный вопрос – перспектива сотрудничества ЕАЭС с Ираном. Здесь нужно смотреть на многие параметры, связанные комплементарностью народнохозяйственных комплексов, а также иметь более или менее чёткое представление о пакете совместных кооперационных инициатив и проектов. Но если оценивать потенциально возможное, то присоединение Исламской Республики даёт приращение экономического потенциала не менее чем на 10%. Если в это «тождество» привносить дополнительные параметры, связанные с ёмкостью иранского рынка, его уникальное географическое положение, качество трудовых ресурсов, то эта цифра, конечно, будет больше. Пока ЕАЭС формирует с Ираном зону свободной торговли.

Идеологическая модель нового уклада

Теперь от вводных соображений перейдём к вопросам идеологической поддержки преобразований в экономике, политике, социальной сфере. Говоря об идеологии, к ней необходимо предъявлять два фундаментальных требования, которые в определённом смысле противоречивы. Первое – идеология должна быть современной и апеллировать к будущему, второе – она должна зиждиться на традиционных ценностях. В этой конструкции и кроется диалектическое единство противоположностей. Если говорить о современности идеологии, виднеется образ будущего. Его можно определить как «новый мирохозяйственный уклад». Можно говорить и об «ноосферном социализме». Что бы мы ни вкладывали в эти понятия, так или иначе мы видим примеры формирования принципиально новой системы организации институтов и производственных отношений, соответствующей целям развития социально-экономической архитектуры.

В Китае, Индии, в целом в Азиатско-Тихоокеанском регионе утвердилась социально-рыночная модель управления с приматом общественных интересов над частными. Экономика в этой модели является средством повышения общественного благосостояния и удовлетворения потребностей людей, приращения их материальных возможностей. Подчиняясь социалистическим целям и задачам, экономическое устройство в регионе АТР является рыночным по содержанию, использует механизмы рыночной конкуренции и предполагает рыночную самоорганизацию бизнеса.

Вся система управления экономическим развитием при этом строится в соответствии с документами стратегического планирования. Некоторые аналитики называют описанную модель «планово-рыночной». Её характерной чертой является стимулирование частного предпринимательства в той мере, в которой оно способствует росту общественного благосостояния и пресечению тех видов так называемой «деловой активности», которые направлены на дестабилизацию экономики и получение сверхприбыли за счёт остальных. Этот механизм регулирования и контроля за устойчивостью социально-экономической системы – с рычагами недопущения перетока ресурсов в сектор валютнофинансовых спекуляций – достаточно хорошо отлажен в Китае, Индии, Японии и Южной Корее. Механизм отлажен и достигает магистральной цели регулирования частнопредпринимательской инициативы в интересах подъёма общественного благосостояния. Он ни в коей мере не ущемляет интересы частных собственников, если они ответственно и сполна исполняют свои обязательства. Для добросовестных собственников, развивающих производство и технологии, а также обеспечивающих занятость, в рамках интегральной модели нового мирохозяйственного уклада существует система поощрения. В её рамках им предоставляются неограниченные ресурсные возможности, гибкая система кредитования, другие льготы и преференции.

Важным элементом этой модели является государственный контроль денежного обращения, которое, с теми или иными оговорками, контролируется государством. А деньги являются инструментом авансирования экономического роста, повышения конкурентоспособности, финансирования инвестиций. Денег создаётся ровно столько, сколько нужно для экономического развития, и их создание, замечу, не вызывает инфляционного эффекта, поскольку вложение направлено вдоль производственных линий. Поэтому в государствах, находящихся в парадигме нового мирохозяйственного уклада, обеспечиваются околонулевые ставки кредита и контроль целевого использования предоставляемых ссуд. Это делается в интересах повышения общественного благосостояния. Такой подход предполагает обеспечение устойчивости экономики к спекулятивным воздействиям. Государство здесь является правовым, умным, ответственным, нравственным, справедливым и, по мере возможности, демократическим. Я бы назвал его **Государством Развития**. Это принципиально новый тип государства, которого не было в предыдущую историческую эпоху – ни в советской редакции, ни в американской, ни, тем более, в рамках предыдущих формаций.

Фактор ценностей

Теперь о ценностной составляющей идеологии. Мы располагаем двумя источниками традиционных ценностей. Это – православная традиция, которая сочетается с мусульманской и буддистской традициями. Есть гипотеза, что все эти три религиозных течения вышли из одного. Но об этом следует поговорить в рамках отдельной дискуссии.

Есть мнение, что идеология должна отвечать на вопрос «как?». «Как» – значит наличие некоего практического приложения, это понятно всем. Раньше я думал, что такой идеологический подход можно назвать «христианским социализмом», но, с учётом современных тенденций, его всё чаще называют «ноосферным социализмом». Государство при этом должно быть Государством Развития в том смысле, о котором я говорил, а экономика должна быть социально-рыночной, то есть агрегировать в себе лучшие черты социалистического и капиталистического хозяйствования.

В рамках этой универсальности на самом деле может быть большое разнообразие, особенно – в нынешнем интегральном мирохозяйственном укладе. Разные виды этого интегрального мирохозяйственного уклада обла-

дают двумя свойствами. Это социалистическая идеология и рыночная экономика. Идеология, их объединяющая, имеет ещё национальное измерение. Повсеместно мы имеем дело с национализмом, а вернее даже сказать, с экономической автаркией. В Китае сегодня смесь социализма, национализма и рыночной экономики, в Индии то же самое, во Вьетнаме мы наблюдаем похожее явление.

Если брать Восток в качестве образца построения нового мирохозяйственного уклада, то он являет собой пример политико-экономической инженерии. У нас уже есть правящая партия, и называется она, соответственно, правильным образом – «Единая Россия». Но вот как в неё содержательно вдохнуть, так сказать, нужную идеологию, вопрос открытый. Если партия воспримет идеи конфуцианства, то перед нами возникнет модель для сборки в Евразии реальной евразийской экономической интеграции.

Китай реализовал ту философию общественно-политического устройства, которая обсуждалась в позднем СССР, а именно конвергентный путь, сочетающий механизмы как советского планового хозяйствования, так и вполне рыночную самоорганизацию с постепенным раскрепощением частнопредпринимательской инициативы по мере её созревания к этому. Тому пример – формирование концернов и участие трудящихся в процессе управления предприятиями. Нужно сказать, без экивоков, что Советский Союз шёл по тому же пути, что и Китай сегодня. Нас прервало фактическое самоубийство КПСС. Не случись этого, возможно, мы бы вышли на совершенно другую траекторию, схожую с китайской.

Перспективы воплощения

Мы подошли к главному вопросу: как практически воплотить этот идеологический посыл? Концентрированным, если угодно, манифестом наших идеологических воззрений является представленная в 2019 году программа «Социальная справедливость и экономический рост». В ней, напомним, содержится весь набор инструментов и механизмов обеспечения экономического порядка в соответствии с идеологической дихотомией, с которой я начал. Мною и моими коллегами по Российской академии наук разработана и более академичная стратегия опережающего развития, которая может служить весомым подспорьем в практических действиях.

Для достижения ориентиров опережающего развития в последние годы были прописаны даже основы стратегического планирования – например, законы «О стратегическом планировании», «О промышленной политике», которые предусматривают механизмы частно-государственного партнёрства на контрактной основе. Эти государственные нормативно-правовые акты формируют иерархию документов стратегического планирования, которая может с правовой точки зрения стать основой для формирования реальной государственно-экономической политики. Нам, к сожалению, не удалось принять закон об ответственности федеральных органов исполнительной власти за результаты её деятельности. Если бы этот закон был принят, мы бы обладали полноценным правовым каркасом, обеспечивающим ответственность власти за реализацию целей экономического развития, в том числе указов президента 2012 и 2018 годов.

В контексте сказанного я бы хотел зафиксировать некоторые неразрешимые, во всяком случае – пока, проблемы. Вопрос, как реализовать наши идеологические построения, упирается в реальные механизмы воспроизводства социально-экономической системы, которая характеризуется следующими дисфункциями. Во-первых, существует дисфункция власти. Все ветви власти находятся в состоянии полной дисфункции. Исполнительная власть не исполняет законы. Законодательная власть не принимает законы, нужные обществу, а просто обслуживает интересы властвующей элиты. Судебная власть подчинена конъюнктурным административно-коррупционным интересам. Наблюдается системная коррупция, которая является следствием полной безответственности власти – по части управления.

Коррупция и некомпетентность – это две стороны одной медали. И торжество этой тенденции пока непреодолимо. Конечно, есть исключения, наблюдаются попытки очистить власть от коррупции и поднять её компетентность, но эти отдельные, я бы сказал, эксперименты тонут в общей безответственности властно-хозяйственного управленческого механизма.

Де-факто мы стали западной периферией и, что печально, не только сырьевым придатком Европы. Наше стратегическое партнёрство и экономическое сотрудничество с Китаем свидетельствует о том, что мы сегодня в ещё большей степени сырьевой придаток Китая, чем остального мира. Это означает, что мы не интегрируемся в новый интегральный строй, который формируется в Юго-Восточной Азии, а фактически застряли в качестве сырьевой периферии сразу двух мировых центров – уходящего старого и формирующегося нового уклада, между которыми идёт мировая гибридная война. Хотя мы говорим о необходимости преобразования всей властно-хозяйственной системы, но вместо этого преобразования мы наблюдаем имитацию. И механизмов оздоровления ситуации пока не прослеживается.